
ПРОБЛЕМА В ФОКУСЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Петров П.В.

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШЕМАНСКИЙ (1904–1942):
ПОРТРЕТ МУЗЕЙНОГО ДЕЯТЕЛЯ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Петров, Павел Владимирович—доктор исторических наук, заведующий отделом музейных исследований ГМЗ «Петергоф», Санкт-Петербург, Российская Федерация, peterhof_petrov@mail.ru.

Личность Анатолия Владимировича Шеманского до настоящего времени остается недооцененной в истории музейного дела. А между тем, его вклад в развитие Петергофских дворцов-музеев в довоенный период, с 1925 по 1941 гг., представляется очень важным и существенным. Уже в самом начале своей профессиональной деятельности Шеманский участвовал в сохранении памятников истории и культуры Тамбовской губернии. Затем он получил историческое образование в Петроградском государственном университете, после чего сразу пришел на работу в Управление Петергофских дворцов-музеев и парков. Именно здесь, в Петергофе, А.В. Шеманский совместно со своим коллегой С.С. Гейченко разработал и успешно применил на практике метод дополнительной экспозиции в исторических интерьерах дворцов, впервые опробованный на Нижней даче Николая II в парке Александрия. Затем под руководством Шеманского, занявшего должность заместителя директора по научной работе, были развернуты новые экспозиции и открылись интересные выставки в Большом Петергофском дворце, Екатерининском корпусе Монплезира. Шеманский подготовил тексты многочисленных путеводителей, посвященных петергофским дворцам и паркам. На основании многочисленных документов, выявленных в последние годы в фондах самых разных архивов, постараемся восстановить жизненный путь этого выдающегося музейного деятеля.

Ключевые слова: Петергоф, дворец, музей, экспозиция, выставка, интерьеры, музейный предмет.

ANATOLY VLADIMIROVICH SHEMANSKY (1904–1942):
PORTRAIT OF A MUSEUM WORKER AGAINST
THE BACKGROUND OF THE ERA

Petrov, Pavel Vladimirovich—Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Museum Research, State Museum Reserve «Peterhof», Saint-Petersburg, Russian Federation, peterhof_petrov@mail.ru.

The personality of Anatoly Vladimirovich Shemansky remains underestimated in the history of museum work to this day. Meanwhile, his contribution to the development of the

Peterhof palace-museums in the pre-war period, from 1925 to 1941, seems to be very important and significant. Already at the very beginning of his professional activity, Shemansky participated in the preservation of historical and cultural monuments of the Tambov province. Then he received a historical education at the Petrograd State University, after which he immediately came to work in the Administration of the Peterhof Palace-Museums and Parks. It was here, in Peterhof, that A.V. Shemansky, together with his colleague S.S. Geychenko, developed and successfully applied in practice the method of additional exposition in the historical interiors of the palaces, first tested at the Lower Dacha of Nicholas II in Alexandria Park. Then, under the leadership of Shemansky, who took the position of deputy director for scientific work, new exhibitions were launched and interesting exhibitions opened in the Grand Peterhof Palace and the Catherine Wing of Monplaisir. Shemansky prepared the texts of numerous guidebooks dedicated to the Peterhof palaces and parks. Based on numerous documents discovered in recent years in the funds of various archives, we will try to reconstruct the life of this outstanding museum figure.

Key words: Peterhof, palace, museum, exposition, exhibition, interiors, museum item.

В истории Государственного музея-заповедника «Петергоф» имя Анатолия Владимировича Шеманского долгие годы являлось незаслуженно забытым. По сравнению со своим коллегой — бывшим директором Петергофских дворцов-музеев и парков Николаем Ильичом Архиповым, о котором в последние годы всё чаще стали писать исследователи¹, личность его заместителя по научной части оставалась куда менее изученной². Причин для такого невнимания историков могло быть несколько. Во-первых, деятельность Анатолия Владимировича прервалась достаточно рано — вначале из-за его ареста в 1937 г. и последующего заключения, а затем по причине гибели на фронте в начале Великой Отечественной войны. Поэтому вся его работа в Петергофе оказалась связанной исключительно с предвоенным периодом. И когда после войны в восстанавливаемый Петергоф пришло новое поколение музейных работников, они почти ничего не знали о научных заслугах Шеманского. Во-вторых, личность Анатолия Владимировича Шеманского оказалась заслоненной более яркой и известной широкой публике личностью его ближайшего сподвижника Семена Степановича Гейченко, которому после войны была уготована долгая и успешная карьера музейного деятеля, директора мемориального музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

Подобное стечение обстоятельств привело к долгому замалчиванию значительного вклада Анатолия Владимировича Шеманского в дело развития Петергофских дворцов-музеев

¹ Кальницкая Е.Я., Петров П.В. Штрихи к портрету... // Вестник. Зодчий. 21 век. 2015. № 2. С. 26–27; Кальницкая Е.Я. Николай Архипов: Человеческий фактор // Николай Ильич Архипов: Исследования по истории Петергофа. Петергоф, 2016. С. 12–29; Петров П.В. Николай Ильич Архипов (1887–1967). Краткий биографический очерк // Там же. С. 30–46; Петров П.В. «...Я остался одиноким и решил просить об освобождении от должности...»: К истории одного письма директора Петергофских дворцов-музеев и парков Н.И. Архипова // Памятники культуры. Новые открытия. М., 2024. С. 117–141 и пр.

² Петров П.В. Репрессии среди музейных работников Петергофа и музейное дело 1937 г. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3(7). С. 114–133; Петров П.В. Создание дополнительной экспозиции «Крах самодержавия» на Нижней даче Николая II в Петергофе в 1920-е годы // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г. СПб., 2017. С. 172–183; Бондарев С.В. Вклад А.В. Шеманского в сохранение бывшей царской резиденции в Петергофе // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. С. 1–12.

и парков в период с середины 1920-х до конца 1930-х гг. Постепенно был предан забвению разработанный им совместно с Гейченко и успешно примененный на практике метод дополнительных экспозиций в исторических интерьерах дворцов. Также оказались забытыми его книги, посвященные петергофским дворцам и паркам. На основании многочисленных документов, выявленных в последние годы в самых разных архивах, постараемся восстановить жизненный путь этого замечательного человека.

Родился Анатолий Владимирович 20 октября (2 ноября) 1904 г. в Варшаве³. Его отец Владимир Дмитриевич Шеманский происходил из семьи потомственных дворян Тамбовской губернии⁴, учился в Варшавском политехническом институте и затем работал инженером⁵. Мать Евгения Константиновна (урожденная Иванова) по своему происхождению была из тамбовских мещан. В 1906 году родители развелись, и мать осталась с двумя сыновьями — Анатолием и Игорем. Поскольку отец не оказывал семье материальной поддержки, матери А.В. Шеманского до революции приходилось работать библиотекарем в библиотеке Тамбовского земства, а также давать частные уроки. Семейный заработок был довольно скромный — порядка 40–50 рублей в месяц. После революции Евгения Константиновна продолжала работать в губернской библиотеке, а также была заведующей местным детским домом⁶.

В период с 1912 по 1918 гг. Анатолий Владимирович проходил обучение вначале в Тамбовском реальном училище, а с 1918 по 1919 гг. — в 10-й советской единой трудовой школе (ЕТШ), где завершил курс 2-й ступени⁷. В 1919 г. А.В. Шеманский уже начал свою трудовую деятельность, поступив конторщиком в Тамбовский губернский отдел кожевенной промышленности, где проработал до конца июня 1920 г. В это время в России шла Гражданская война, поэтому всех военнообязанных мужчин привлекали к несению воинской повинности. Пройдя в Тамбове курс всеобщего военного обучения, Анатолий Владимирович в период с июля 1920 по февраль 1921 г. был проводником грузов 6-го района военно-дорожных работ Кавказфронтостроя⁸.

В период с февраля по июль 1921 г. Анатолий Владимирович Шеманский находился в должности инструктора губернской секции охраны памятников искусства и старины и, кроме того, исполнял обязанности заведующего секцией. С июля 1921 г. до января 1922 г. он занимал должность заведующего губернским подотделом охраны, а после ликвидации последнего с 1 января 1922 г. был назначен на должность заведующего

³ Следует заметить, что, начиная с конца 1920-х годов, Анатолий Владимирович в своих анкетах стал указывать в качестве места своего рождения город Тамбов. Возможно, что он делал это по политическим соображениям, поскольку Варшава с конца 1918 г. стала столицей независимой Польши, и указывать зарубежный город стало уже небезопасно. Тем более что взаимоотношения СССР и Польши в 1920-х — 1930-х годах носили зачастую враждебный характер.

⁴ В своих анкетах А.В. Шеманский часто указывал, что его отец был личным дворянином или даже «дворянином-разночинцем» (?). Вероятно, это делалось им с целью скрыть своё подлинное потомственное дворянство.

⁵ Из личного дела инженера Владимира Дмитриевича Шеманского, хранящегося в ЦГИА СПб, следует, что в октябре 1919 г. он ушел вместе с войсками отступавшей из-под Петрограда Северо-Западной армии Н.Н. Юденича в Эстонию. Поэтому вовсе не случайно, что А.В. Шеманский во всех автобиографиях и анкетах постоянно указывал, что связи с отцом никогда не поддерживал.

⁶ Объединенный ведомственный архив культуры (далее — ОВАК). Ф. 34. Оп. 1. Д. 319. Л. 1, 3, 7, 23–24; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2522. Л. 9.

⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2522. Л. 7а; Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 100а. Л. 208–208 об.

⁸ ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 3. Д. 319. Л. 7.

Тамбовским губернским художественным музеем. Кроме того, в период с января по ноябрь 1922 г. А.В. Шеманский состоял представителем Главмузея в Тамбовской губернии по делам охраны памятников искусства и старины, а также являлся уполномоченным Главмузея по охране бывшей усадьбы дворянского рода Чичериных «Караул» в Кирсановском уезде Тамбовской губернии⁹.

Согласно отзыву Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Тамбовской губернии, благодаря проявленной исключительной энергии и преданности музейному делу, А.В. Шеманскому *«удалось сохранить выдающиеся художественно-исторические ценности, находившиеся в усадьбе «Караул», в наиболее трудное, угрожающее целостности коллекций время (эпоха бандитизма в Тамбовской губ.¹⁰), а также провести частичную эвакуацию художественного имущества в Тамбовский губернский музей»¹¹.*

Однако Анатолий Владимирович намеревался продолжить своё обучение в высшем учебном заведении и с этой целью он решил поступить в Петроградский государственный университет. Согласно своей просьбе, он был освобожден от обязанности по охране усадьбы «Караул» с 23 ноября 1922 г.¹² Лишь 1 декабря 1922 г. А.В. Шеманский подал в Петроградский губернский отдел народного образования (ПЕТРОНАРОБ) заявление с просьбой зачислить его студентом на 1-й курс факультета общественных наук (ФОН) Петроградского университета (9 декабря он был принят).

Столь позднюю подачу документов в университет (фактически он приступил к занятиям в начале января 1923 г.) А.В. Шеманский объяснял тем, что ему необходимо было прежде завершить дела, порученные ему местным отделом Наркомата просвещения¹³. Наконец, 25 декабря 1922 г. по собственной просьбе он был освобожден от занимаемой им должности заведующего Тамбовским губернским художественным музеем *«для поступления на литературно-художественное отделение факультета общественных наук Петроградского университета»¹⁴.*

В октябре 1923 г. по собственной просьбе он был переведен на отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук ПГУ, который успешно закончил весной 1926 г.¹⁵ В ходе обучения Анатолий Владимирович, по его словам, специализировался *«в области социологического изучения искусства строительства историко-бытовых музеев»¹⁶.*

Желая применить на практике свои знания в области создания музейных экспозиций, в феврале 1925 г. А.В. Шеманский вступил в Общество социологии и истории искусств¹⁷,

⁹ Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО). Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 178. Л. 318–318 об. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 366. Л. 42–45. Ф. Р-1478. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 11; ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2522. Л. 5, 7.

¹⁰ Имеется в виду крестьянское восстание под руководством П.М. Токмакова и А.С. Антонова на территории Тамбовской губернии в 1920–1921 годах.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2522. Л. 5.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 6, 7, 10.

¹⁵ ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 1об.; ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2522. Л. 17, 27–27 об.

¹⁶ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 100а. Л. 202.

¹⁷ Общество социологии и истории искусств («ОСТИ») было создано в Ленинграде в 1925 г. В задачи общества входило объединение усилий историков, искусствоведов и музееведов с целью коллективной разработки вопросов социологии и истории искусств, как теоретического, так и практического характера. Общество состояло из пяти секций: 1) изобразительного искусства; 2) музееведения;

куда входили многие известнейшие музейные деятели и искусствоведы Ленинграда¹⁸. Главной задачей общества являлась разработка проблем теоретического и прикладного искусствоведения и популяризация в широких массах народа вопросов социологии искусства¹⁹. В составе общества была создана музейная секция, специально занимавшаяся вопросами создания новых экспозиций в музеях Ленинграда и его пригородов.

1 июня 1925 г. А.В. Шеманский по рекомендации Ленинградского отделения Главнауки был принят на работу в Управление Петергофских дворцов-музеев в качестве сотрудника-практиканта. С декабря 1925 г. он работал научным сотрудником в Ораниенбаумских дворцах-музеях, но ввиду проявленных им способностей в музейной работе, уже в апреле 1926 г. был переведен в Управление Петергофских дворцов-музеев и парков в качестве научного сотрудника и помощника хранителя²⁰. Именно здесь, в Петергофских музеях и парках в полной мере раскрылся талант А.В. Шеманского как талантливого экспозиционера и научного работника.

Очень важным для Шеманского оказался опыт работы в Обществе социологии и истории искусств, при разработке новой экспозиции в Нижнем дворце Николая II в парке Александрия. На заседаниях этого общества продумывался и обсуждался новый метод подачи исторического материала в историко-бытовых музеях XVIII—начала XX в. Теоретической основой для разработки экспозиции нового типа послужила докладная записка под названием «Петергофские дворцы-музеи», составленная молодыми научными сотрудниками Анатолием Владимировичем Шеманским и Сергеем Степановичем Гейченко в июле 1925 г.²¹ Именно тогда зарождалось их совместное научное творчество, которое принесло огромную пользу развитию Петергофских музеев и парков в 1920-х—1930-х годах.

Для удобства ведения данной работы, в январе 1926 г. в рамках Общества социологии и истории искусств был образован кружок по разработке проекта новой экспозиции Нижнего дворца²². В плане работы кружка был намечен целый ряд научных тем по истории царствования Николая II, работа по которым должна была завершаться составлением проектов соответствующих разделов экспозиции в Нижнем дворце. Работу кружка следовало завершить уже к 1 мая, после чего члены кружка должны были принять участие в расстановке экспонатов на местах. Среди запланированных тем для членов кружка были такие, как революционное движение в царствование императора Николая II, бюджет императорского двора, взаимоотношения Николая II и Русской православной церкви, история императорских дворцов, друзья и старцы императора Николая II, царевич Алексей и другие²³. Члены кружка изучали историческую литературу и архивные документы по указанным темам, а затем готовили доклады, которые зачитывались и обсуждались на заседаниях.

Совместная работа научных сотрудников Петергофских дворцов-музеев и парков А.В. Шеманского и С.С. Гейченко продвигалась весьма успешно и привела к хорошему

3) литературы; 4) искусствоведения; 5) изучения восприятия искусства массами. Общество прекратило свою деятельность в 1929 г.

¹⁸ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее—ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.

¹⁹ Там же. Д. 2. Л. 1.

²⁰ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 100а. Л. 202, 203, 205. Д. 104 а. Л. 338, 372; ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 3.

²¹ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 277а. Л. 67–70.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

²³ Там же. Л. 55.

результату. Уже 7 февраля 1926 г. на заседании кружка был утвержден предложенный ими экскурсионный маршрут по Нижнему дворцу, а также перечень тем по эпохе Николая II, «предназначенных к разработке»²⁴. Данные темы (революционное движение, финансовая политика, история церкви в царствование Николая II, история императорских дворцов, быт царской семьи и др.) изучались весьма серьезно, с привлечением самых разнообразных фондов государственных архивов — «кабинетского, походной канцелярии и интендантского», на чем непременно настаивал Гейченко. Очень тщательно подбирались Шеманским для экспозиции фотографический материал²⁵.

Результатом работы кружка оказался проект дополнительной (или тематической) экспозиции под названием «Крах самодержавия» в Нижней даче императора Николая II, которая была призвана показать посетителям основные вехи его царствования и объяснить закономерность падения монархии в России. Большой упор в экспозиции был сделан на подборе дополнительных материалов — архивных документов, газетных вырезок, листовок, репродукций, фотографий, — помещенных в специальных витринах и на стендах. Основной смысл дополнительной экспозиции заключался в том, как объяснял сам Шеманский, чтобы «перенести внимание посетителя музея и экскурсовода с вопросов только быта и искусства на историко-политические вопросы, связанные с материалом дворцов-музеев и тем дать экскурсионной теме политический стержень»²⁶.

На заседании музейной части Управления Петергофских дворцов-музеев 3 июня 1927 г. данная экспозиция была одобрена и принято решение считать «опыт дополнения бытовых памятников такого рода экспозицией крайне ценным для политпросветработы с широкими массами»²⁷. Более того, участники совещания признали необходимым «развернуть подобные выставки и в других дворцах, не исключая и дворцов 18 века»²⁸.

Метод подачи исторического материала с помощью дополнительной экспозиции неоднократно обсуждался в дальнейшем на совещаниях музейных работников и получил полное одобрение с их стороны. В январе 1929 г. А.В. Шеманский совместно с С.С. Гейченко выступили на 44-м заседании научной части Петергофских дворцов-музеев с докладом, обобщавшим опыт их работы по созданию тематической экспозиции, где объяснили новый принцип подачи материала в привычных историко-бытовых музеях²⁹. В дальнейшем, этот доклад был даже выпущен отдельной брошюрой³⁰.

Анализируя оригинальную экспозицию, созданную в 1925–1927 гг. в здании бывшей Нижней дачи Николая II в Петергофе, известный искусствовед Ф.И. Шмит называл ее «повестью о том, как последний из Романовых пытался бороться с революцией, и как революция сломала его»³¹. По мнению Шмита, созданную Гейченко и Шеманским экспозицию в Нижней даче можно было усовершенствовать в деталях, но в целом она, несомненно, удалась. Опыт создания экспозиции Нижней дачи, по мнению Ф.И. Шмита, убедительно доказывал, что «1) дворец-реликвия в дворец-музей превращается лишь тогда, когда четко продумана та специфическая тема, которая может и должна быть выявлена данным вещественным ансамблем; 2) для выявления темы необходимо

²⁴ Там же. Л. 60.

²⁵ Там же. Л. 66.

²⁶ АУФСБ СПб и ЛО. Фонд арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 6. Л. 4 (вн. нум.).

²⁷ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 133а. Л. 1–1 об.

²⁸ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 133а. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Д. 177 а. Л. 79–100.

³⁰ Шеманский А., Гейченко С. Экспозиция дворцов-музеев. Петергоф, 1929.

³¹ Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929. С. 146.

устранить все лишние вещи, хотя бы они достоверно принадлежали к дворцовой обстановке, и добавить из иных фондов все нужные для показа вещи; 3) наряду с вещами необходимо тут же, где осматриваются вещи, выставить и те документы, фотографии и пр., которые надобно не только устно, во время экскурсии, процитировать посетителю, но требуется показать в натуре, чтобы достигнуть полной ясности и убедительности повести». Причем, маршрут экскурсии по музею следовало составить таким образом, чтобы последовательность осматриваемых посетителями комнат соответствовала последовательности развития основной темы, и чтобы весь показ не превышал того промежутка времени, в течение которого посетитель способен напрягать свое внимание³².

Следующим значительным шагом Шеманского и Гейченко, после создания экспозиции в Нижнем дворце, стало устройство в парке Александрия принципиально новой экспозиции «Царские вагоны», посвященной последним дням царствования императора Николая II. Данная экспозиция должна была логически дополнить экспозицию Нижнего дворца и стать своего рода квинтэссенцией в показе крушения самодержавия в России. По их инициативе, на территорию парка Александрия были доставлены два вагона из состава поезда императора Николая II, в котором он подписал акт отречения от престола. После того, как вагоны царского поезда были доставлены в 1929 г. в Александрию, они прошли реставрацию, и затем в них была устроена музейная экспозиция. Возле вагонов в 1930 г. был построен выставочный павильон, напоминавший железнодорожный перрон с вокзалом³³.

За время своей работы в Петергофских музеях и парках Шеманский принял непосредственное участие в создании целого ряда музейных экспозиций и подготовке выставок в дворцах-музеях. В частности, в 1926 г. был открыт музей в Екатерининском корпусе дворца Монплеzier, ставший первым новым музеем Петергофа. В 1927 г. была открыта экспозиция Нижнего дворца Николая II, в 1928 г. — создана дополнительная экспозиция в Большом петергофском дворце, в 1929 г. — подготовлены выставки «Царские долги» (в Ольгинской половине Большого дворца) и «Дворцовые перевороты в XVIII веке» (в Екатерининском корпусе Монплезира). В 1930–1931 гг. в парке Александрия открывается новый музей «Царские вагоны», а в соседнем павильоне, выполненном в виде станции, — выставка «Последний рейс Николая II». Выставочная деятельность музеев Петергофа в 1930–1931 гг. носила на себе ярко выраженные черты политизации. Идеологические установки партии и правительства определили содержание выставок, развернутых в те годы в Большом Петергофском дворце, — «Культурная пятилетка и роль в ней музеев», «Царские долги и СССР» и «Церковь на службе у самодержавия».

В 1932 г. в музеях Петергофа были созданы выставки по истории дворцового хозяйства в XVIII в. и «Самодержавие и церковь», в 1933–1934 гг. — большая выставка «Война и техника» (совместно с Артиллерийским музеем) и выставка по истории Санкт-Петербурга с XVIII в. Затем в 1935–1936 гг. под руководством А.В. Шеманского организуются выставки «Империалистическая война и падение царизма», «Бюджет царского двора в XVIII веке», «Иностранные художники на службе у двора и их русские ученики», «История Александрии» (в Готической Капелле), «Переворот 1762 г.» (выставка архивных документов ЛОЦИА и музея), «Царский быт во дворце в XVIII веке» и «Охрана царской резиденции». Наконец, в 1937 г. открылись выставки «Садово-парковое

³² Там же. С. 149–150.

³³ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 197 а. Л. 1–23.

искусство XVII–XVIII веков» и «Фонтанное искусство XVII–XVIII веков»³⁴. Многие экспозиции и выставки готовились совместно с Ленинградским отделением Центрального исторического архива (ЛОЦИА), который предоставлял для них свои документы.

По свидетельству Шеманского, в 1933 г. начался процесс постепенного сворачивания дополнительных экспозиций в пригородных дворцах-музеях, который объяснялся требованиями Музейного сектора Ленсовета, призвавшего соблюдать взаимосвязь их с интерьерами и коллекциями дворцов-музеев и больше придерживаться искусствоведческой тематики. Также здесь сказывалось и зачастую невысокое качество изготовления дополнительных экспозиций (фанерные щиты) в некоторых музеях. И если в дворцах-музеях Гатчины, Пушкина и Павловска дополнительные экспозиции были упразднены уже к 1935 г., то в Петергофе, благодаря усилиям директора Н.И. Архипова и его заместителя А.В. Шеманского, удалось избежать их полного закрытия, но при этом были внесены некоторые изменения в действующих экспозициях и выставках и «была сокращена и заново оформлена» выставка «Царские долги» в Ольгинской половине Большого дворца³⁵.

По свидетельству его коллеги С.С. Гейченко, все вопросы музейно-экспозиционной и экскурсионной работы в Петергофе в эти годы рассматривались лично Шеманским и без его распоряжений не выполнялись. При этом с его стороны не допускалось «никогого передоверия работы научно-музейного отдела Петергофских музеев кому бы то ни было»³⁶. Поддерживая постоянную связь с Управлением дворцов и парков Ленсовета и её научно-методическим отделом, А.В. Шеманский являлся членом её комиссии по приему новых экскурсоводов в пригороды, а также ездил проверять работу других пригородных дворцов — как по музейной, так и экскурсионной работе в 1935–1937 гг. Также Шеманский являлся председателем научного совещания в Петергофе, которое созывалось им один раз в неделю зимой и один раз в полмесяца летом и осенью³⁷.

Значительный вклад внес Анатолий Владимирович и в научную деятельность Петергофских музеев. В период с середины 1920-х по середину 1930-х гг. Шеманский подготовил как лично, так и совместно с Гейченко, целую серию небольших путеводителей по дворцам и паркам Петергофа³⁸. Данные издания носили научно-популярный характер и были призваны ознакомить широкие массы населения с историей императорских резиденций, а также вкратце с историей царской России в XVIII — начале XX вв. Конечно, многие оценки в отношении представителей династии Романовых и политики императорской России того времени носили негативный, обличительный характер, что являлось неизбежной данью тому времени и соответствовало установкам школы М.Н. Покровского в исторической науке. Впрочем, ценность данных книг заключалась в том, что по ним

³⁴ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АУФСБ СПб и ЛО). Фонд архивно-следственных дел. Д. 21129. Т. 4. Л. 108 об.–110; Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 197а. Л. 1–23. Д. 208 а. Л. 1,58. Д. 251 а. Л. 5–7, 39, 104 об. Д. 259а. Л. 4–5 об., 36. *Азева Л., Лавров В.* Хранитель: Документальное повествование. Л., 1990. С. 93–94.

³⁵ АУФСБ СПб и ЛО. Фонд арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 4. Л. 110об. Т. 6. Л. 5, 53 об.

³⁶ Там же. Т. 4. Л. 111.

³⁷ Там же. Л. 110 об.

³⁸ *Шеманский А., Гейченко С.* Историко-бытовой музей XVIII века в Петергофе. Большой дворец. М.–Л., 1930. *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. Нижняя дача. М.; Л., 1931. *Шеманский А., Гейченко С.* Кризис самодержавия. Петергофский Коттедж Николая I. М.; Л., 1932. *Шеманский А.* Петергоф и Ораниенбаум. Л., 1933. *Шеманский А. В.* Парк Александрия и Готическая капелла. Л., 1935. *Шеманский А.В.* Александрия. Петергоф. Л., 1936 и др.

можно судить о предвоенном убранстве петергофских дворцов, утраченном во время Великой Отечественной войны.

Успешная работа в Петергофе привела к быстрому продвижению Анатолия Владимировича Шеманского по служебной лестнице. В мае 1926 г. он был назначен помощником хранителя, 1 октября 1928 г. — заместителем заведующего Управлением Петергофских дворцов-музеев и парков, а с 1 января 1932 г. он являлся заместителем директора по научно-методической и массовой работе³⁹. Шеманский являлся бессменным помощником директора Петергофских музеев и парков по научной работе вплоть до своего ареста в июне 1937 г. и всё это время, по словам музейных сотрудников, именно он осуществлял *«основное руководство научной и музейно-экскурсионной работой»*⁴⁰.

За достижения в работе Анатолий Владимирович неоднократно получал благодарности и награды от Управления ленинградскими и пригородными дворцами и парками дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ). В частности, в октябре 1932 г. он был премирован *«за ударную работу по организации Петергофского парка культуры и отдыха»*, в 1934 г. получил благодарность за умелое и энергичное руководство организацией общегородского массового гуляния в День Конституции и премию за образцовую подготовку к летнему сезону, а в июне и декабре 1935 г. был премирован *«за лучшую подготовку летнего сезона 1935 г.»*, а также в честь 10-летней непрерывной и творческой работы в музее. Наконец, в декабре 1935 г. Музейный отдел Наркомата просвещения РСФСР премировал А.В. Шеманского, как получившего отличную оценку по конкурсу музеев РСФСР *«за лучшую работу со школой»*⁴¹.

В 1929 г. Анатолий Владимирович женился на Галине Александровне Цитович. В 1930 г. у них родился сын, а спустя два года — дочь. Вместе с семьей Шеманского проживали его мать, Евгения Константиновна, вышедшая на пенсию, а также мать его жены, Вера Константиновна Пушкина. Причем, из всей семьи заработок имел только он один⁴².

Однако в 1937 г. наступил трагический период в жизни А.В. Шеманского. Начавшийся в стране «большой террор» не обошел стороной и Петергоф. И здесь Анатолию Владимировичу выпала печальная участь стать одним из первых арестованных сотрудников Петергофских дворцов-музеев и парков. Немаловажную роль в его судьбе сыграло его дворянское происхождение и тесные служебные отношения с арестованным к тому времени руководством Управления ленинградскими и пригородными дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ)⁴³ — И.А. Бальцукевичем, Я.И. Винцем, Г.Г. Лембергом, Н.А. Гарниц⁴⁴. Уголовное дело в отношении вышеуказанных руководителей УДПЛ,

³⁹ ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 3–4. Д. 319. Л. 7 а, 11.

⁴⁰ АУФСБ СПб и ЛО. Фонд арх.-след. дел. Д. П-17803. Л. 37.

⁴¹ ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 4–5.

⁴² Там же. Д. 319. Л. 26.

⁴³ Управление ленинградскими и пригородными дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ) было образовано в 1932 г. Его функциями были: организация культурного отдыха трудящихся в центральном и районных парках культуры и отдыха; организация экскурсионной работы в пригородных дворцах-музеях; восстановление пригородных дворцов-музеев и их эксплуатация. Было ликвидировано на основании постановления Ленсовета от 21 февраля 1938 г. Функции УДПЛ были переданы вновь образованному Управлению культурно-просветительными предприятиями Ленсовета (УКППЛ).

⁴⁴ Заведующая организационно-методическим отделом УДПЛ Н.А. Гарниц была арестована в 1937 г., ввиду последствий дела об «Анτισоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре».

а также руководителей музеев Пушкина и Павловска было возбуждено весной 1937 г., по обвинению в крупных хищениях музейных ценностей во дворцах Павловска и Детского Села (Пушкина).

В материалах 7-томного уголовного дела № 25986/37, заведенного Управлением НКВД по Ленинградской области, было указано, что *«при УДПЛ существовала контрреволюционная-вредительская группа, которая ставила своей целью извращение политики ВКП(б) и Советского Правительства на культурно-идеологическом фронте перед трудящимися массами, путем протаскивания контрреволюционных троцкистских взглядов среди работников дворцов и музеев и экскурсантов по ряду исторических вопросов во всех музеях, и путем хищения государственных ценностей в Павловском дворце—Сидоровым и в Пушкинских дворцах—Беляевой и Филипповым»*⁴⁵. В состав этой «контрреволюционной вредительской группы» следствием были назначены: И.А. Бальцукевич, Я.И. Винц, Г.Г. Лемберг, А.В. Сидоров, И.Р. Филиппов, Н.А. Беляева и А.В. Шеманский. Причем, идейными вдохновителями этой группы, по мнению следователей УНКВД ЛО, были начальник научно-методического отдела УДПЛ Н.А. Гарниц и историк И.М. Троцкий, которые *«прививали троцкистские взгляды»*. Начальник УДПЛ Бальцукевич и его заместитель Лемберг, по мнению следователей, пользуясь своим служебным положением, *«создали обстановку, способствовавшую организации и действию контрреволюционной группы»*⁴⁶.

Главной составляющей данного дела стало обвинение музейных работников Пушкина (бывшего Детского Села) и Павловска в пропаже значительного числа музейных предметов из помещений бывших императорских дворцов. Серьезные нарушения в деле хранения и учета музейных ценностей, прежде всего, инкриминировались руководству Пушкинских и Павловских дворцов-музеев и парков. В материалах уголовного дела, собранных органами УНКВД Ленобласти, было указано, что *«в течение 1933–1936 годов по дворцам-музеям имела место недостача музейного имущества в следующем количестве предметов: а) по Пушкинским дворцам—1431 предмет; б) по Павловскому дворцу—241 предмет; в) по Петергофским дворцам—7 предметов»*⁴⁷.

Однако подлинные причины указанных недостатков заключались в отсутствии четкого разграничения имущества музейного и бытового значения, отсутствии единой системы инвентаризации и учета музейных ценностей, бесконтрольной передаче музейных предметов разным организациям и лицам и в потребительском отношении к музейному имуществу со стороны партийных и советских органов на протяжении 1920-х—1930-х гг. Крайне негативным образом на этой ситуации сказалась масштабная продажа музейных ценностей за границу в конце 1920-х—начале 1930-х гг., с целью выручки валютных средств. Однако органы следствия НКВД не стали разбираться в столь сложных причинах создавшегося положения и свели дело к банальному воровству, что, конечно, не было полной правдой. Ещё одним серьезным обвинением против музейного руководства стали факты нецелевого расходования финансовых средств, когда значительные суммы тратились руководством музеев на увеселительные мероприятия и банкеты.

Будучи в курсе предъявленных обвинений фигурантам «музейного дела», 1 июня 1937 г. Шеманский представил органам следствия подробную докладную записку

⁴⁵ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 1. Л. 235.

⁴⁶ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 1. Л. 235.

⁴⁷ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 2. Л. 303–317; Кострова А., Бернев С. Украденные дворцы // Невское время. 2008. 14 июля.

о музейной работе в Петергофских дворцах-музеях и парках за период с 1925 по 1937 гг.⁴⁸ В самом начале своей записки он сразу указал на полную неразбериху в системе музейного учета и хранения, сложившуюся в 1920-х—1930-х гг.: «Основным недостатком этого дела во всех музеях было отсутствие каких бы то ни было общих указаний и инструкций по музейной инвентаризации и ведению музейного хозяйства. Каждый отдельный музей занимался этим делом самостоятельно...»⁴⁹. Далее А.В. Шеманский отмечал, что в Петергофских дворцах-музеях в 1925–1926 гг. выработалась своя собственная система хранения и учета музейного имущества и составлена инструкция по этому вопросу, в результате чего была проведена «полная инвентаризация всего имущества с достаточно подробным описанием вещей, что давало гарантии от подмены и от хищений»⁵⁰.

Что же касается Управления ленинградских и пригородных дворцов и парков Ленсовета, то для него, по словам Шеманского, вообще «было характерно совершенно безразличное отношение к музейному хозяйству»⁵¹. Более того, на заседаниях в УДПЛ «ни одного раза не ставились на обсуждение вопросы о содержании и хранении музейных экспонатов и вообще совещания музейных работников были крайне редки, а в 1937 году не было ни одного совещания». Общее отношение Управления к пригородным музеям Шеманский охарактеризовал как «ликвидаторское». Кроме того, УДПЛ не принимало никаких мер к научному хранению художественных коллекций и самих музейных помещений. В самих музейных зданиях допускалось нахождение заведений массового питания (кафе и ресторана с кухней), угрожавших состоянию и сохранности дворцов и музейного имущества⁵².

Также А.В. Шеманский дал развернутые пояснения по поводу организации научной и культурно-массовой работы в музеях Петергофа. В частности, он подчеркивал, что «Управление дворцов и парков целевыми установками музейной работы не интересовалось, не принимало их и не отменяло»⁵³. Относительно «протаскивания» троцкистских установок УДПЛ при оформлении музейных экспозиций, Шеманский, наоборот, указал, что «враждебных (троцкистских) установок в замечаниях Гарниц и Троцкого по Петергофу мы не наблюдали; наблюдали лишь многочисленные мелкие придирки принизить Петергоф (рекомендация учиться у Детского Села и Гатчины)»⁵⁴. В частности, начальник научно-методического отдела УДПЛ Н.А. Гарниц предпочитала заниматься в основном музеями Детского Села (Пушкина) и Павловска, не уделяя должного внимания Петергофу. Из-за тенденциозного отношения историка И.М. Троцкого к экспозициям Петергофских дворцов-музеев, дирекцией последних были привлечены для консультаций историк А.К. Дрезен и искусствовед С.К. Исаков. С их помощью была расширена практика тематической экспозиции с использованием архивных документов на выставке «Революция 1905 года» на Нижней даче и выставке «Дворцовый переворот 1762 года»⁵⁵.

Однако столь подробные и объективные показания Анатолия Владимировича уже не смогли повлиять в положительном смысле на его судьбу. 2 июня 1937 г. Шеманский был арестован сотрудниками отдела уголовного розыска Управления рабоче-крестьянской

⁴⁸ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 6. Л. 51–55.

⁴⁹ Там же. Л. 51.

⁵⁰ Там же. Л. 51.

⁵¹ Там же. Л. 52 об.

⁵² Там же. Т. 4. Л. 107 об., 108а. Т. 6. Л. 52 об.

⁵³ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 6. Л. 53.

⁵⁴ Там же. Л. 53 об.

⁵⁵ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 6. Л. 53 об.–54.

милиции (УРКМ) УНКВД по Ленинградской области по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58–7, 58–10 ч.1 и 58–11 УК РСФСР. При аресте были конфискованы рукописи его научных трудов и книги⁵⁶. В постановлении о предъявлении обвинения от 16 июня 1937 г. говорилось, что А.В. Шеманский «*проводил в своей практической деятельности подрывную контрреволюционную вредительскую работу. На важнейшем участке массовой политической работы в экскурсиях по дворцам и издаваемых путеводителях проводил контрреволюционные троцкистские установки, извращая политическую работу в музеях в буржуазно-эстетическом направлении, и сами музеи*»⁵⁷.

Приказом № 118 по дирекции Петергофских музеев и парков Анатолий Владимирович Шеманский с 1 августа 1937 г. был исключен из списка сотрудников, как арестованный органами НКВД якобы «*за вредительскую работу на музейном фронте*»⁵⁸. В ходе первых же допросов он неоднократно заявлял, что участником контрреволюционной вредительской организации он никогда не являлся, и, более того, за всё время своей работы в системе УДПЛ он не замечал, «*чтобы такая организация вообще существовала*»⁵⁹.

Одним из поводов для обвинения А.В. Шеманского следствие избрало метод подачи исторического материала при подготовке выставок и проведении экскурсий в Петергофских музеях, который не устраивал партийные и советские органы власти ввиду «*недостатка партийности*». В частности, ещё на заседании бюро Петергофского районного комитета ВКП(б) 8 сентября 1937 г. отмечалось, что музейно-массовая и экскурсионная работа в Петергофских музеях и парках были сосредоточены «*на моментах эстетического порядка за счет сокращения правильных в свете марксистско-ленинских установок исторических характеристик дворянско-крепостнической эпохи*»⁶⁰. Это обвинение в полной мере использовалось в ходе следствия для доказательства «*контрреволюционной*» деятельности Шеманского.

Находясь под сильнейшим давлением следствия, в ходе допроса 22 декабря 1937 г. Анатолий Владимирович был вынужден сказать, что «*в своих практических и теоретических работах протаскивал взгляды врагов народа Троцкого Л. и Покровского, выразившиеся в следующем: а) пропагандируя в дополнительных экспозициях Большого Петергофского дворца взгляды Покровского на роль торгового капитала в истории России при Петре I; б) в своей печатной работе, выпущенной в 1936 г. «Петергофский парк Александрия» я дал троцкистскую оценку крестьянству в революции 1905 г., выразившуюся в следующем: «Крестьянство оказалось недостаточно революционизированным»; в) я не уделял достаточного внимания содержанию музейно-массовой работе, что приводило к ослаблению политического внимания посетителей*»⁶¹. Однако, в период нахождения в тюрьме Шеманский имел мужество от этих показаний отказаться и заявил, что его признание о пребывании в контрреволюционной организации не соответствует действительности⁶².

29 декабря 1937 г. следствие по делу Шеманского и других музейных работников было завершено, и он был направлен в тюрьму № 1 г. Ленинграда. Приговор Специальной

⁵⁶ Там же. Т. 1. Л. 220, 223–223 об. Т. 2. Л. 243–249.

⁵⁷ Там же. Т. 1. Л. 222–222 об.

⁵⁸ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-17803. Л. 7 об., 19, 113; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 5.

⁵⁹ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 1. Л. 232–233 об.

⁶⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 195397/1. Л. 1 об.

⁶¹ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 1. Л. 235–235 об.

⁶² Там же. Т. 2. Л. 302.

коллегии Ленинградского областного суда, заседавшей в период с 31 марта по 4 апреля 1938 г., определил наказание для всех подсудимых, которым были предъявлены тяжёлые, несправедливые обвинения: «1) уничтожение исторического материала в дворцах-музеях, создание запустения дворцов и их разрушение; 2) насаждение в дворцах-музеях контрреволюционных троцкистских кадров, выхолащивание политического содержания в экскурсионно-массовой работе и под прикрытием аполитичности пропаганда к.р. троцкистских установок; 3) дискредитация политики ВКП(б) и Советской власти на культурном фронте; 4) моральное разложение аппарата дворцов-музеев путем втягивания его в пьянки и бытовую распущенность и 5) расхищение социалистической собственности».

Шестерым фигурантам дела—И.А. Бальцукевичу, Г.Г. Лембергу, И.Р. Филиппову, А.В. Шеманскому, Н.А. Беляевой и А.В. Сидорову—были предъявлены политические обвинения по ст. 58–7, 58–10 ч.1 и 58–11 УК РСФСР. На суде Беляева, Сидоров и Шеманский отказались от своего признания в участии в контрреволюционной группировке. Они заявили, что в ходе следствия на них оказывалось давление, однако суд не принял эти слова во внимание. Бальцукевич и Лемберг получили по 10 лет, Филиппову дали 12, Шеманскому—15 лет. К самому большому сроку—20 годам—приговорили Н.А. Беляеву и А.В. Сидорова. Все шестеро также были приговорены к конфискации имущества. Самое легкое наказание получил Я.И. Винц—всего 5 лет по ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление властью)⁶³.

Анатолий Владимирович должен был отбывать наказание в Северо-восточном исправительно-трудовом лагере (СЕВВОСТЛАГ) НКВД в г. Владивостоке, куда был отправлен 8 сентября 1938 г.⁶⁴ Во время своего заключения Анатолий Владимирович не терял надежды на освобождение и неоднократно направлял заявления о пересмотре его дела. В результате, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 9 ноября 1939 г. приговор Ленинградского областного суда в отношении А.В. Шеманского был отменен, и дело о нём прекращено производством⁶⁵. В конце декабря 1939 г. он был извещен о прекращении его дела и 24 января 1940 года выпущен на свободу из СЕВВОСТЛАГа⁶⁶. В июле 1940 г. Анатолий Владимирович получил новый гражданский паспорт (старый был изъят у него при аресте) и выехал в Тамбов, откуда затем направился в Ленинград⁶⁷.

С 16 сентября 1940 г. Анатолий Владимирович Шеманский продолжил работу в Петергофе в прежней должности помощника директора по научно-музейной работе, в которой он был восстановлен «в связи с прекращением ведущегося о нем органами НКВД дела», с учетом непрерывности трудового стажа⁶⁸. Он активно включился в научную работу, лично составил паспорта по паркам Александрия, Пролетарскому и Собственной дачи. Новый директор Петергофских музеев и парков Ю.В. Финкельштейн давал А.В. Шеманскому следующую характеристику: «За время работы проявил себя грамотным и подготовленным работником. Инициативен, к работе относится добросовестно»⁶⁹. В первой

⁶³ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 2. Л. 303–317; Кострова А., Бернев С. Украденные дворцы // Невское время. 2008. 14 июля.

⁶⁴ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 2. Л. 294, 303–317, 547–547 об.; ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 319. Л. 25.

⁶⁵ ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 319. Л. 25.

⁶⁶ АУФСБ СПб и ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 2. Л. 571, 621.

⁶⁷ ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 319. Л. 25, 26 об.

⁶⁸ Там же. Л. 21, 23–24.

⁶⁹ ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 319. Л. 21.

половине 1941 г. был издан последний написанный им путеводитель, посвященный парку Александрия⁷⁰.

С началом Великой Отечественной войны, в конце июня 1941 г. А.В. Шеманский активно участвовал в подготовке к эвакуации первой партии музейных предметов (38 ящиков с 1695 музейными предметами отправлены в г. Горький 29 июня 1941 г.)⁷¹, а затем сразу же ушел добровольцем в действующую армию и воевал на Ленинградском фронте. 15 января 1942 г. младший лейтенант Шеманский, будучи командиром роты 320-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии 55-й Армии Ленинградского фронта, в ходе Любанской наступательной операции погиб в р-не железнодорожной станции Погостье. Был захоронен на воинском кладбище юго-восточнее станции Погостье, в Мгинском районе Ленинградской области⁷².

Вклад Анатолия Владимировича Шеманского в историю отечественной культуры представляется весьма значимым. Вместе со своими выдающимися коллегами — Н.И. Архиповым, С.С. Гейченко, Н.П. Удаленковым, М.М. Измайловым и другими, — ему удалось сохранить уникальный Петергофский дворцово-парковый ансамбль в наиболее трудный период отечественной истории. Кроме того, он привнес в отечественное музейное дело новый метод подачи исторического материала — метод тематической или дополнительной экспозиции, который являлся новаторским для своего времени. Своими научными работами он внес весомый вклад в дело довоенной реставрации, изучения и популяризации истории дворцов и парков Петергофа среди широких масс населения. Не будет большим преувеличением заметить, что в истории Петергофских дворцов и парков Шеманский является одной из самых ярких личностей, которую еще только предстоит достойно оценить.

Список литературы

Агеева Л., Лавров В. Хранитель: Документальное повествование. Л.: Советский писатель, 1990. 335 с.

Бондарев С.В. Вклад А.В. Шеманского в сохранение бывшей царской резиденции в Петергофе // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. С. 1–12.

Кальницкая Е.Я. Николай Архипов: Человеческий фактор // Николай Ильич Архипов: Исследования по истории Петергофа. Петергоф: ГМЗ «Петергоф», 2016. С. 12–29.

Кальницкая Е.Я., Петров П.В. Штрихи к портрету... // Вестник «Зодчий. 21 век». 2015. № 2 (55). С. 26–27.

Кострова А., Бернев С. Украденные дворцы // Невское время. 2008. 14 июля.

Петров П.В. Николай Ильич Архипов (1887–1967). Краткий биографический очерк // Николай Ильич Архипов: Исследования по истории Петергофа. Петергоф: ГМЗ «Петергоф», 2016. С. 30–46.

Петров П.В. Репрессии среди музейных работников Петергофа и музейное дело 1937 г. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3(7). С. 114–133.

Петров П.В. Создание дополнительной экспозиции «Крах самодержавия» на Нижней даче Николая II в Петергофе в 1920-е годы // Революция 1917 года в России: события

⁷⁰ Шеманский А.В. «Александрия» в Петергофе. Путеводитель. Л., 1941.

⁷¹ Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16317. Л. 17–21, 22, 33, 44, 101.

⁷² Интернет-ресурс: URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1343606> (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 150. Л. 57. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 3. Л. 238); Российская Федерация. Книга памяти. Ленинград. 1941–1945. Том 3. Павловск (Слуцк), Петродворец (Петергоф), Пушкин. А-Я. СПб., 1995. С. 297.

и концепции, последствия и память: Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г. СПб., 2017. С. 172–183.

Петров П.В. «...Я остался одиноким и решил просить об освобождении от должности...»: К истории одного письма директора Петергофских дворцов-музеев и парков Н.И. Архипова // Памятники культуры. Новые открытия. М.: РАН, 2024. С. 117–141.

References

Ageeva L., Lavrov V. Hranitel': Dokumental'noe povestvovanie [The Guardian: Documentary Narrative]. L.: Sovetskij pisatel', 1990. 335 p.

Bondarev S.V. Vklad A.V. Shemanskogo v sohranenie byvshej carskoj rezidencii v Petergofe [A.V. Shemansky's contribution to the preservation of the former royal residence in Peterhof]. Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija. 2024. № 6. P. 1–12. (In Rus.).

Kal'nickaja E.Ja. Nikolaj Arhipov: Chelovecheskij faktor [Nikolay Arkhipov: The Human Factor], in *Nikolaj Il'ich Arhipov: Issledovanija po istorii Petergofa*. Petergof: GMZ «Petergof», 2016. P. 12–29. (In Rus.).

Kal'nickaja E.Ja., Petrov P.V. Shtrihi k portretu... [Strokes to the portrait...], in *Vestnik «Zodchij. 21 vek»*. 2015. № 2(55). P. 26–27. (In Rus.).

Kostrova A., Bernev S. Ukradennye dvorcy [Stolen Palaces], in *Nevskoe vremja*. 2008. 14 ijulja.

Petrov P.V. Nikolaj Il'ich Arhipov (1887–1967). Kratkij biograficheskij ocherk [Nikolay Ilyich Arkhipov (1887–1967). Brief biographical sketch], in *Nikolaj Il'ich Arhipov: Issledovanija po istorii Petergofa*. Petergof: GMZ «Petergof», 2016. P. 30–46. (In Rus.).

Petrov P.V. Repressii sredi muzejnyh rabotnikov Petergofa i muzejnoe delo 1937 g. [Repressions among Peterhof museum employees and the museum business of 1937], in *Vestnik Universiteta Dmitrija Pozharskogo*. 2017. № 3(7). P. 114–133. (In Rus.).

Petrov P.V. Sozdanie dopolnitel'noj jekspozicii «Krah samodержavija» na Nizhnej dache Nikolaja II v Petergofe v 1920-e gody [Creation of an additional exhibition “The Collapse of Autocracy” at the Lower Dacha of Nicholas II in Peterhof in the 1920s], in *Revoljucija 1917 goda v Rossii: sobytija i koncepcii, posledstvija i pamjat': Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 11–12 maja 2017 g.* СПб., 2017. P. 172–183. (In Rus.).

Petrov P.V. «...Ja ostalsja odinokim i reshil prosit' ob osvoboždenii ot dolzhnosti...»: K istorii odnogo pis'ma direktora Petergofskih dvorcov-muzeev i parkov N.I. Arhipov [“...I was left alone and decided to ask for dismissal from my post...”: On the history of one letter from the director of the Peterhof palaces-museums and parks N.I. Arkhipov], in *Pamjatniki kul'tury. Noveje otkrytija*. M.: RAN, 2024. P. 117–141. (In Rus.).